

УДК 821.161.1.09 "18/19"(470.531)

ЛИТЕРАТУРА И ГЕОГРАФИЯ. УРАЛ В ГЕОПОЭТИКЕ РОССИИ***В. В. Абашев, М. П. Абашева**

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный педагогический университет, 614000, Пермь, ул. Сибирская, 24
vv_abashev@mail.ru

Рассмотрена роль литературы как генератора геопозитических образов, влияющих на процессы национальной и территориальной идентичности, а нередко и провоцирующих геополитические выводы. С геопозитическим стереотипом российского пространства как беспредельного простора (Чаадаев, Гоголь, Бердяев) сопоставлен образ Урала, апеллирующий к земным недрам (Бажов, Мамин-Сибиряк). Рассмотрены эволюция образа Урала в современной прозе (Иванов, Славникова), возникновение мессиански и эсхатологически окрашенной неомифологии Урала (Алексеев).

Ключевые слова: геопозитика, геополитика, Урал, современная русская литература, Велимир Хлебников, Павел Бажов, Алексей Иванов.

В истории культуры встречаются неожиданные созвучия идей. Не подозревающие о существовании друг друга мыслители и поэты, разделенные странами, языками, характером занятий и традициями, почти одновременно говорят в рифму. Такие созвучия идей и образов сигнализируют о сдвигах парадигм, в них нагляднее всего выражается единство импульсов, образующих новые эпохи в культуре. В первое десятилетие XX в. в культуре обнаружился сдвиг внимания с истории на географию, со времени на пространство. В 1904 г. британский географ Хэлфорд Джон Макиндер выступил в Королевском географическом обществе с докладом, в котором предложил захватывающую воображение модель планеты, в которой геометрия материков, океанов, горных цепей и речных долин определяет движение истории и диктует политическую стратегию. Принято считать, что работа Макиндера о «географической оси истории» с ее идеей «показать историю человечества как часть жизни мирового организма» [Макиндер, 1995] положила начало столь популярной ныне геополитике.

Немногим позднее, в 1908 г., в России только начинавший тогда свой путь поэт Велимир Хлебников написал эссе «Курган Святогора», где впервые высказал идеи, ставшие ключевыми в его творчестве: о влиянии географического пространства на духовную жизнь нации, об ответственности литературы перед пространством, о поэзии как голосе ландшафта, о необходимости понять и освоить пространство России в поэтических образах. Этим же Хлебников открыл тот аспект литературы, что в последнее время стали называть геопозитикой.

Понятие *геопозитика* отличает прозрачность смысла. Оно фиксирует сам момент взаимодействия и единства земного пространства (*гео*) и организующей его культурной формы (*позитика*). У Пастернака есть строка прямо об этом: «оглядчивость пространства хотела от меня поэм» [Пастернак, 2003, с. 232]. Пространство хочет от человека поэмы в смысле *ποίημα* – работы, творения. В поэтическом преображении пространства выражается стремление человека приручить пространство словом, унять его тектоническое буйство и, осмыслив, назвав, обуздать тем самым стихию его изгибов, складок и впадин. Ландшафт предстает перед поэтом как воплощенный, но еще не названный смысл. Искусство именуется его. Так получается геопозитический образ.

Под *геопозитическим* образом мы понимаем развитый символический образ территории как единого целого. Такой образ начинает формироваться, когда территория, ландшафт в своем собственном бытии осознаются как значимая инстанция в иерархии уровней природного мира и становятся предметами эстетической и философской рефлексии. Возникновение *геопозитики* какой-либо территории предполагает именно высокую степень рефлексии, когда ландшафт концептуализируется (в историческом, геополитическом, антропологическом и философско-эстетическом отноше-

© В. В. Абашев, М. П. Абашева, 2012

* Статья поддержана грантом РГНФ №12-14-59006 «Идеология и символика региональной идентичности в художественном творчестве и гуманитарной практике Алексея Иванова» и Министерством науки и образования РФ в рамках Проекта № 005-П Программы стратегического развития Пермского государственного педагогического университета.

нии) и его доминирующие черты получают символическое осмысление. Этим геопозитический образ отличается от обычной картины природы в произведении, от литературного пейзажа¹.

Термин *геопозитика* не относится к числу общепринятых. Однако в последние годы к нему все чаще обращаются, и он действительно кажется точным в применении к интересующей нас проблематике конструирования образов территорий в культуре и языке и их влияния на общественное сознание.

В невольной перекличке Хлебникова и Макинтера сказался симптом пространственного поворота гуманитарной мысли: о том, что история не только протекает во времени, но и размещается в пространстве. Поэтому не случайно в своей известной книге об истории и культуре Великобритании на первое место Л. Е. Кертман поставил географию [Кертман, 1979].

И, конечно, знаменательно, что рождение геополитики и геопозитики было спровоцировано российским пространством: в центре рассуждений не только Хлебникова, но и Макинтера – именно Россия. Она предстала одновременно как проблема геополитическая и геопозитическая.

Таким образом, со времен Чаадаева и до наших дней «факт географический» остается фундаментальным тезисом нашего исторического, политического и национального самоутверждения. И не только остается. Внимание к проблемам пространственного развития в его экономических, политических, исторических и идеологических аспектах все больше проявляется в дискуссиях о настоящем и будущем страны. В поисках собственного места в мире Россия по-прежнему грезит своим пространством, главным источником как ее надежд, так и страхов.

Нас в этой проблеме интересует прежде всего литература, что в русской культуре почти равно общественной мысли в целом.

Как правило, русское пространство характеризуют определениями дали, шири и безграничности. Это культурный стереотип. Такое геопозитическое представление было концептуализировано в 30–40-е гг. XIX в. Причем изначально в русскую культуру оно вошло в двух аксиологически контрастных вариантах: чаадаевском и гоголевском.

Именно Чаадаев первым проблематизировал и историософски осмыслил факт необъятности России. Он пережил ее пространство как кошмар дурной бесконечности, истощающей созидательные силы нации и выводящей ее за рамки истории. «Есть один факт, который властно господствует над нашим историческим движением, который красною нитью проходит чрез всю нашу историю, который содержит в себе, так сказать, всю ее философию, который проявляется во все эпохи нашей общественной жизни и определяет их характер, который является в одно и то же время и существенным элементом нашего политического величия, и истинной причиной нашего умственного бессилия: это – факт географический [Чаадаев, 1989, с. 154].

Беспредельное пространство России у Чаадаева становится впечатляющей метафорой ее исторической судьбы. Оно поглощает время, историю: мы спим, «похороненные в нашей необъятной гробнице» [Там же, с. 148]. Такая поэтическая и историософская трактовка пространства получит впечатляющее художественное развитие у Андрея Белого в образах его книги стихов «Пепел», у И. Бунина в повести «Деревня».

Но культурным стереотипом стал иной – оптимистический – вариант геопозитической доминанты. С гоголевским патетическим описанием необъятного простора России он вошел в общее культурное сознание: «Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли, не родится беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отражаясь во глубине моей. <...> у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь! [Гоголь, 1952, с. 80]

Этот экстатический визионерский пассаж заучивали наизусть ученики русской школы – поколение за поколением. Он и лег в основу геопозитического стереотипа России. Изначально же образ бесконечно развертывающейся русской равнины был ассоциирован с особенностями русской души. Столь же хрестоматийным, школьным, как гоголевское описание необъятного простора, стало описание русской песни-души у И. С. Тургенева: «Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос. <...> Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. <...> Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед

вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы» [Тургенев, 1963, с. 241].

Изоморфность русской ментальности и геопоэтики была доведена до ясности формулы в историко-философских построениях Н. Бердяева: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной. В душе русского народа есть такая же необъятность, безгранность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине» [Бердяев, 1990, с.44].

Итак, в том или ином аксиологическом варианте, но бесконечно раздвигающаяся вдаль и вширь русская равнина, родственная русской душе, стала одной из базовых метафор национальной культуры. Ее геопоэтической доминантой. Явно или подспудно эта метафора, принятая за аксиому, зачастую предreshает исход бесконечных споров о судьбах России.

Такой прямой ход мысли от представления о пространстве: «широка страна моя родная» – к представлению о ментальности: «широк русский человек» – стал достоянием массового сознания. Почти трюизмом. И в таком виде вошел в массовый политический дискурс.

В XX в., однако, литература разглядела неоднородность собственного пространства и малые народы, немотствующие на ее землях. Русской литературе нужен не новый Пушкин или Достоевский, она «ждет своего Пржевальского». Этот не совсем обыкновенный прогноз принадлежит тому же Хлебникову. В статье «О расширении пределов русской словесности» (1913), развивавшей идеи более раннего эссе «Курган Святогора» (1908), он предложил отечественной литературе уже своего рода *геопоэтический* проект – обосновал насущную необходимость художественной картографии пространств и племен России во всем их многообразии. Такой литературе действительно потребовались бы «свои Пржевальские» – писатели, чуткие к ландшафтной и культурно-этнической феноменологии пространства. Ведь у отечественной литературы, по мнению Хлебникова, остается непоплаченный долг перед геопространством России, перед теми ландшафтами, в которых разместились русская культура, практически вытеснив культуры автохтонные. Но в большой русской литературе, сетовал Хлебников, так и не появилось книги, подобной «Гайавате» Лонгфелло, произведения, «которое бы выразило дух материка и душу побежденных туземцев» [Хлебников, 1987, с. 593].

Мысль неожиданная, но глубокая. Формулируя ее, Хлебников рискнул пойти вразрез с общепринятым представлением о русской культуре. Благодаря Достоевскому мы утвердились в лестном для себя представлении о всемирной отзывчивости и всечеловечности как о коренном национальном свойстве, некоей исконной, едва ли не мистической способности «перевоплощаться вполне в чужую национальность» [Достоевский, 1984, с. 146]².

Но так ли это? Сколько земель и локальных культур вобрала в себя Россия и почти не заметила их, стерла, распространяясь вдаль и вширь. Народы и культуры Поволжья, Урала, Сибири – где их голоса в памятниках русской культуры, их миры, органически освоенные, понятые и воплощенные в русском слове? Памятно прозвучавшие? Вот что заботило Хлебникова: «И самому великому Пушкину не должен ли быть сделан упрек, что в нем звучащие числа бытия народа – премника моря, заменены числами бытия народов – послушников воли древних островов?» [Хлебников, 1987, с. 579]. То есть, на языке геопоэтики Хлебникова, европейских народов.

Рассматривая литературу как выражение «духа земли», Хлебников упрекал отечественную словесность в «искусственной узости»: великая по «богатству дарований», она, по его мнению, оказалась равнодушной к великому территориальному и этническому многообразию России: «из отдельных мест ею воспет Кавказ, но не Урал и Сибирь с Амуром» [Там же, с. 593]. Поэтому в русской литературе до сих пор звучит голос одной, сравнительно небольшой, территории – русской равнины. Но «мозг земли не может быть только великорусским» [Там же], и поэтому Хлебников думал о литературе с «материковым» сознанием, т. е. о литературе, способной создать подлинную геопанораму России.

В этих размышлениях с Хлебниковым довольно неожиданно перекликается Михаил Осоргин, всегда восхищавшийся живым и разноголосым многообразием российских земель и племен. «Ее хотят представить себе целиком, – рассуждал М. Осоргин, – а цельной России нет и никогда не было, она состоит из нагромождения земель, климатов, гор, равнин, народов, языков и культур. Ее изображают медведем; с тем же успехом можно изобразить и белугой, снопом, жаворонком, виноградной лозой, почкой малахита. Из нее, многобожной и языческой, старательно выкраивали “матушку-Русь православную”, как сейчас хотят представить ее безбожницей и комсомолкой» [Осор-

гин, 1989, с. 106]. И у Хлебникова, и у Осоргина возникает мысль о своего рода геопозитической доминанте – возобладавшем в культурной традиции образе пространства, который заслоняет (и подавляет) собой реальное многообразие естественных ландшафтов и их символических репрезентаций.

Как часто случалось в начале XX в., художники интуитивно предвосхитили идеи, которые только искали свое рациональное обоснование в научной среде. В 1910-е гг. в трудах И. М. Гревса, Н. К. Пиксанова, Н. П. Анциферова складывается оригинальная отечественная геокультурологическая концепция – о формирующем влиянии культуры на ландшафт, о роли образов пространства [Шукин, 2007, с.165]. Тогда же в литературу вошла волна писателей из провинции, писателей-регионалистов, приверженных локальной тематике: В. Шишков, А. Чапыгин, Н. Клюев, В. Каменский. Они внесли в литературу яркие символически насыщенные образы Сибири, русского севера, Прикамья.

Далее, однако, советская культура принялась намеренно строить однородное геопространство, стирая чувство уникальности региональных ландшафтов. «Широта» родной страны осознавалась подчиненной воле нового человека, что ярко проявилось в стихах Лебедева-Кумача 1936 г.: «От Москвы до самых до окраин/ с южных гор до северных морей/ человек проходит как хозяин/ необъятной Родины своей». В таком понимании пространство теряет свою плотность, оказывается абсолютно проницаемым, перестает быть организмом, становясь однородной средой, удобной для социалистического хозяйствования.

В постсоветскую эпоху, с распадом СССР, проблемы региональных ландшафтов вдруг приобрели новое значение. Советский человек осознавал себя вне конкретного места (как в стихах поэта-песенника В. Харитоновича 1971 г.: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»). В 1990-е гг. начинается движение к обнаружению собственного, близкого, родственного пространства: национального, регионального, городского... Само название книги украинца Ю. Андруховича «ДезОриентация на местности», изданной в 1996 г., выразило и первоначальную растерянность перед новым самоопределением, и радостную готовность к нему. Пространство становится местностью, родным ландшафтом. И – снова – как в искусстве, так и в науке появляются проекты, самоустраивающие речь о месте в собственном пространстве: Крымский клуб Игоря Сиды (пустившего, кстати, в оборот само слово «геопэтика»), проекты Виталия Кальпиди (трехтомная Антология уральской поэзии) и др. Геополитика тоже решительно заявила о себе. Книги Александра Дугина, например, красноречиво свидетельствуют о ее пафосе, связанном не столько с аналитикой, сколько с прямым действием. Геополитика находится в близости (может быть, потенциально опасной) к геопэтике – в том, что тоже создает суггестивные, энергичные образы, каким оказался образ-понятие хартленда у Макиндера. В контексте повышенного внимания к проблемам территориальной идентичности закономерно увеличился интерес к региональной литературной традиции как источнику территориального самосознания.

Соответственно взгляд на литературу в *геопэтическом* аспекте не только получил права гражданства как направление исследований, но и оказался практически востребованным.

Так мы вплотную подходим к занимающей нас здесь проблеме: как соотносится доминанта российской геопэтики с региональной, уральской?

Прежде всего заметим: уральское пространство существенно иное, чем российское в целом, понимаемое как единство, – оно, как правило, противопоставлено русской равнине. На Урале русскому человеку едва ли не впервые открылись земные недра, их мощь и тайна, и с Уралом в русскую культуру вошла новая модель геопространства, доминирующим началом которой стала не равнинная бескрайность, а темная и неистощимая подземная глубина.

Приведем вполне стереотипное описание: «Могучий горный хребет *прорезает* с севера на юг необозримые просторы русских равнин. Это Урал, в недрах которого хранятся несметные природные богатства» [Скорина, 1976, с. 3; курсив наш. – В. А., М. А.]. Заметим, что описываются горы, но речь идет не о вершинах, а о недрах, о глубине. Устремленность в земную глубину – это и есть преобладающий вектор формирования региональной, уральской, геопэтики. Она носит ярко выраженный теллурический характер. Лежащее в ее основе чувство земных глубин объединяет ее локальные варианты – пермский, екатеринбургский и челябинский, каждый из которых характеризуется каким-либо преобладающим оттенком теллуризма [Абашев, 2000; Литовская, 2004; Миллюкова, 2004].

Такой геокультурный образ Урала начал создаваться уже в литературе XVIII в., но окончательно оформилась эта модель уральского пространства в 1930-е гг. в сказах Павла Бажова. В четком противопоставлении такому яркому геотопосу русской культуры, как Кавказ, – с акцентом на горных вершинах, Павел Бажов создал парадоксальный образ подземных гор. У него уральские горы – это горы, уходящие в земные глубины, как бы вывернутые наизнанку: «В иных местах горы под облака ушли. <...> А в нашем краю <...> горы мелконькие <...> все эти горки скопом зовут одним словом – гора. Оно и правильно, потому как по нашим местам гора может оказаться там, где ее вовсе не ждут. <...> На что низкое место – болото, а и под ним гора может оказаться. <...> Гора сплошной грядой прошла. Недаром ее раньше Поясом земли звали. <...> В длину тысячами верст считают, а сколь он широк и насколько в землю врезался, этого никто толком не знает. В поясах по старине, известно, казну держали. Оттого, может, и нашей горе прозвание досталось» [Бажов, 1976, с. 146, 147].

Необъятности безудержно разбегающейся вдаль и вширь русской равнины бажовский Урал противопоставил суггестивно сильный геопоэтический образ – земной глубины, потаенности, потусторонности и суровой сосредоточенности. Темная глубина земли, хранящая сокровища и тайны, и стала постоянным вектором территориального самосознания, главной осью его концептуализаций. Эту модель независимо от произведений Бажова развивал в стихах уральского цикла и прозе Борис Пастернак [Абашев, 2008], а элементы уральской геопоэтики мы можем проследить уже в прозе Д. Н. Мамина-Сибиряка [Абашев, 2009].

Геопоэтическая модель Урала, сформировавшаяся в 1920–1930-е гг. в творчестве Бажова, в начале 2000-х гг. получила развитие в прозе Алексея Иванова, в цикле его уральских романов: «Сердце Пармы», «Географ глобус пропил» и «Золото бунта» [Абашев, Абашева, 2010]. Воссоздав с потрясающим эффектом художественной реальности мир средневековой Перми Великой, романом «Сердце Пармы» Алексей Иванов открыл литературе пути к обновленному художественному регионализму, темпераментному и энергичному, уверенному в себе и думающему без оглядки на литературный мейнстрим. Все романы его уральского цикла объединяет целостная и сильная интуиция ландшафта, чувство земли. Чтобы охарактеризовать особенность этого ощущения, сошлемся на одно из интервью писателя. Отвечая на вопрос о своих первых литературных опытах в жанре фантастики, Иванов сказал: «Я ощущаю себя оставившим фантастику как жанр, сам на себя заикленный, ограниченный собственными рамками, а не стилевые приемы фантастики, *настроение фантастики*. Ощущение многомерности мира, ощущение, что та реальность, которая перед глазами, – еще не все, чем мир может удивить человека» [Иванов, 2005, с. 14; курсив наш. – В. А., М. А.].

Очень важное признание. «Настроение фантастики» в уральских романах Иванова обнаруживается не только и даже не столько в появлении в его прозе сверхъестественных существ и явлений, сколько в описаниях ландшафта – гор, рек, тайги. Его удивляет земля. Вот характерный пример из романа «Сердце пармы»: «Они медленно шагали по Священной дороге. Трещали кузнечики, во рву у Вышкара пели лягушки, в реке изредка всплескивала рыба. Неприкаянные духи бродили по лесу, шумели ветвями, вздыхали, перешептывались. Только Мертвая Парма горбилась, *как глыба подземной тишины*. Для старого шамана она была словно *мускул огромного сердца земли, которое обнажилось из-под почвы и медленно бьется вместе с высоким ходом судеб*, что как тучи плывут над памом и князем, над Мертвой Пармой, над народами, богами и звездами» [Иванов, 2003, с. 14; курсив наш. – В. А., М. А.].

В выразительном описании панорамы, развертывающейся перед идущими к гляденовскому холму близ Перми («Мертвая Парма») вогульским князем и памом, «настроение фантастики» сильнее всего выражается не в духах, бродящих по лесу, а в мощных метафорах, передающих жизнь и силу холма – «огромного сердца земли». Конечно, можно сказать, что такое восприятие отражает архаическое сознание. Действительно, оно вводится в повествование как взгляд старого шамана. Но в романе «Географ глобус пропил» то же видение и чувство ландшафта присуще современному человеку, учителю Служкину. То есть, несомненно, это авторское ландшафтное чувство. Алексей Иванов ощущает и в формах ландшафта видит непостижимую жизнь и неукротимую энергию земных глубин. Его горы и реки живы не в смысле банального метафоризма, а по существу: это их древняя энергия определяет ход истории и человеческие судьбы. Эта интуиция и превращает его пейзажи в геопоэтические образы. Алексея Иванова эстетически притягивает древнее, неведомое, вышедшее из темных и страшных земных глубин. В мифопоэтических терминах Алексей Иванов

чувствует Землю преимущественно как *χθων*. В своей хтонической ипостаси Земля открывается как источающая энергию темная бездна, порождающая чудовищное, как мир, где царствуют непостижимые силы [Лосев, 1996, с. 21, 43–79].

В уральской прозе Алексея Иванова с новой степенью художественной убедительности и глубиной интеллектуальной рефлексии реализуется геопозитическая доминанта Урала. Ее же яркий хтонический колорит связан с локальной пермской традицией.

В 1990-е и 2000-е гг. региональная геопозитическая доминанта, апеллирующая к земным недрам, дополнилась принципиально новыми акцентами. В Перми символизация недр приняла формы стратиграфического патриотизма [Янковская, 2012, с. 152–159]. Все активнее работает семантика, детерминированная характером уральского ландшафта. «Камень, пещера, гора» – так, эмблематически, называется книга эссе поэта Майи Никулиной об Урале. Этот ландшафт авторы настойчиво насыщают мифологическими, мистическими, фантастическими коннотациями. В романе-антиутопии Ольги Славниковой «2017» уральскому ландшафту приписывается функция смыслообразующая, фундирующая самосознание: «Рифейская гряда, несомненно, располагается в одном из тех загадочных регионов, где пейзаж непосредственно влияет на умы. Для истинного рифейца земля – не почва, но камень. Здесь он – обладатель глубинной в прямом смысле слова, геологически обоснованной истины» [Славникова, 2006, с. 78].

Формируется мессиански и эсхатологически окрашенная неомифология Урала [Абашев, 2003], распространяющаяся уже и в массовой литературе [Абашева, 2010].

Региональная геопозитика постепенно приобретает геополитическую проекцию. Один из влиятельных примеров ее проявления – роман Сергея Алексева «Сокровища Валькирии». Он вышел в 1998 г. и приобрел широкую популярность. Для многих энтузиастов уральского культурного самосознания он даже стал авторитетным источником сокровенных знаний об Урале. Это типичный авантюрный роман с элементами фэнтези. Его художественные достоинства невелики. Но сюжет романа вписан в довольно внятно и даже в деталях прописанную геополитическую и историческую схему. Именно в ней и заключен интерес поклонников романа и секрет его немалого успеха.

Суть этой концепции сводится к утверждению, что Россия и славянские народы – естественные преемники древней арийской цивилизации, поскольку, как пишет Алексеев, они «никогда не покидали ее [первородного] ареала ... и оставались в ее космическом Пространстве» [Алексеев, 1998, с. 102]. Между тем древняя прародина ариев, их родовое пространство – это, по Алексееву, не что иное, как Северный Урал.

Именно здесь, на Урале, согласно С. Алексееву, находится «самое мощное скопление “перекрестков”» (своего рода центров сосредоточения геокосмической энергии): «Словно кто-то встал посередине Евразийского континента и сгреб руками все астральные точки с запада и востока, заодно насыпав гряду Уральского хребта. Но более, чем своим открытиями и расчетами, более, чем магическому кристаллу, Русинов доверял сохранившейся топонимике. УРАЛ буквально означало – “Стоящий у солнца”» [Там же, с. 40]. В пещерных лабиринтах, связывающих воедино весь уральский хребет, оказывается, хранятся сокровища древней цивилизации, до сих пор охраняемые ее наследниками. Они должны стать основой грядущего возрождения России. Историческая миссия героев-патриотов в романе в том и состоит, чтобы Россия вспомнила свое древнее наследие, осознала себя как самостоятельную Северную цивилизацию и собрала вокруг себя арийские народы. Тем самым Россия восстановит исконное мировое Триединство человечества, соответствующее космическому порядку: Восток, Запад и гармонизирующий их противостояние Север.

Такова фантастическая геополитическая схема, в центре которой размещается Урал с его неисчерпаемыми недрами – истинный центр России и основа ее будущего. Авантюрные перипетии романа развертываются в реальном географическом пространстве Северного Прикамья: Березники, Соликамск, Чердынь, Красновишерск, Нырб, реки Вишера и Колва, узнаваемые ландшафты Северного Урала. Именно здесь, в знакомых уральцам местах, таятся, по романной версии, остатки городов древних ариев, а в гигантских пещерах хранится наследие исчезнувшей цивилизации. Роман Алексева поэтизирует и мистифицирует Урал как энергетический центр мира, колыбель человечества и место его спасения – и передоверяет ему мессианскую идею России.

Такое превращение региональной геопозитики в геополитику вряд ли можно считать неожиданным. Оно было подготовлено традицией регионального самосознания. Уже в 1920-е гг., например, в работах пермского краеведа профессора Павла Богословского выдвигался тезис о том, что на

Урале сложилась особая «горнозаводская цивилизация» [Богословский, 1927, с. 24]. Отсюда недалеко и до идеи Уральской республики, обсуждавшейся в 1990-е гг. Во всяком случае, геопоэтические образы подспудно питают и геополитические фантазии, и геополитические конструкции. Не случайно, что идею Богословского подхватил и активно развивает Алексей Иванов.

Так геопоэтический проект Велимира Хлебникова (как и геополитические идеи Макиндера) актуализировался в России в 1990-е гг. и сохраняет свою актуальность сегодня. Ведь пространство России остается все еще непознанным. Об этом говорит эссеист и путешественник Андрей Балдин, чья книга эссе «Протяжение точки», развивающая идеи Хлебникова, стала одним из самых ярких литературных событий 2009 г.: «В нашей литературе ... нужна оптическая революция, нужно увидеть реальное пространство, в котором мы очутились» [Балдин, Евсеев, 2009].

Примечания

¹ Сравните некоторые определения: «Геопоэтика – это особый метод письма, подобный путевому дневнику интеллектуала, или особый вид литературоведческих изысканий, сфокусированных на том, как Пространство раскрывается в слове – от скупых, назывных упоминаний в летописях, сагах, бортовых журналах пиратских капитанов до сногшибательных образно-поэтических систем, которые мы обнаруживаем, например, у Хлебникова (применительно к системе Волга – Каспий), Сент-Экзюпери (Сахара), Сен-Жона Перса (Гоби, острова Карибского моря) или Гогена (Полинезия)» [Голованов, 2002, с. 158]; «Литературное произведение, образ могут вырастать из географического пространства, пейзажа, ландшафта, города; питаться ими – но и одновременно фактом своего существования создавать их. Поэтика пейзажа – еще не геопоэтика, но пейзаж, осознаваемый как геопоэтический образ, уже есть геопоэтическое орудие. Геопоэтика – это широкое междисциплинарное ментальное поле на границе культурной или образной географии и литературы, понимаемой локально, регионально, иначе говоря – пространственно. Местность, схваченная как образ – поэтический, прозаический, эссеистический, – непосредственно и наиболее качественно (среди всех возможных способов), наиболее экономно гео-графизируется. И тогда геопоэтика предстает как наиболее совершенный, идеальный образ самой географии. Земной шар “упаковывается” геопоэтическими образами, как путевой чемодан, и становится компактным, как маленький томик излюбленных стихотворений. Страна может быть представлена геопоэтически – плотными и насыщенными образами» [Замятин, 2002, с. 159].

² Ср.: «Нет, положительно скажу, не было поэта с такой всемирной отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном, а потому и чудесном. <...> Тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своем развитии, народность нашего будущего. <...> Ибо что такое сила духа русской народности как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?» [Достоевский, 1984, с. 146, 147].

Библиографический список

- Абашев В. В. Д. Н. Мамин-Сибиряк: У истоков геопоэтики Урала // Урал. ист. вестн. 2009. № 1(22).
Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь, 2000.
Абашев В. В. Урал в поисках лица (Аркаим в уральской неомифологии 1990-х гг.) // Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'est Europeo. 2003. Vol. 22.
Абашев В. В. Урал как предчувствие: Заметки о геопоэтике Бориса Пастернака // Вопр. лит.-ры. 2008. № 4.
Абашев В. В., Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сиб. филол. журн. 2010. № 2.
Абашева М. П. Урал в историко-приключенческой прозе // Лит-ра Урала: история и современность. Нац. образы мира в регион. проекции. Екатеринбург, 2010.
Алексеев С. Сокровища Валькирии. М.; СПб., 1998.
Бажов П. П. Собр. соч.: в 3 т. М., 1976. Т. 2.
Балдин А., Евсеев Б. Россия и русский язык: путешествие во времени // Online конференция РИА «Новости». 16.10.2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/online/20091016/189172479.html>
Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. М., 1990.
Богословский П. С. О постановке культурно-исторических изучений Урала // Урал. краеведение. Свердловск, 1927. Вып. 1.
Гоголь Н. Собр. соч.: в 4 т. М., 1952. Т. 4.
Голованов В. Геопоэтика Кеннета Уайта // Октябрь. 2002. № 4.
Достоевский Ф. М. Пушкин (Очерк) // Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1984. Т. 26.

- Замятин Д.* Определение геопоэтики // Октябрь. 2002. № 4.
Иванов А. В. Сердце пармы. М., 2003.
Кертман Л. Е. География, история и культура Англии. М., 1979.
Литовская М. А. Бажов и символическое пространство Екатеринбурга // Регион. культ. ландшафты: История и современность. Тюмень, 2004.
Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996.
Макиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. 1995. № 4 [Электронный ресурс]. URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=25
Милюкова Е. В. «Около железа и огня»: картина мира в текстах самодеятельной поэзии южного Урала // Геопанорама рус. культуры: Провинция и ее локальные тексты. М., 2004.
Осоргин М. А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. М., 1989.
Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: в 11 т. М., 2003. Т. 1.
Скорино Л. О. Павел Петрович Бажов // Бажов П. П. Собр. соч.: в 3 т. М., 1976. Т. 1.
Славникова О. 2017: роман. М., 2006.
Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: в 15 т. М.; Л., 1963. Т. 4.
Хлебников В. Творения. М., 1987.
Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989.
Щукин В. Российский гений просвещения. М., 2007.
Янковская Г. А. Молотовский коктейль для травмированного сообщества // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2012. № 2(19).

Дата поступления рукописи в редакцию 27.06.2012

LITERATURE AND GEOGRAPHY. THE URALS IN RUSSIA'S GEPOETICS

V. V. Abashev, M. P. Abasheva

Perm State University, Bukireva st., 15, 614990, Perm, Russia
Perm State Pedagogical University, Sibirskaya st., 24, 614000, Perm, Russia
vv_abashev@mail.ru

The article explores the impact of geographic factor on Russian self-consciousness and literature. This influence can be traced in literature – in geopoetics that shows the moment of interaction between the terrain and the cultural form which organizes it, and also in historiosophy – particularly in geopolitics that determines country's destiny according to its location and landscape. The work provides the analysis of axiologically diverse traditional concepts of Russian space – by P. Chaadayev, N. Gogol, I. Turgenev, N. Berdyaev etc. (based on the idea of stretch, expanse, limitlessness). A certain evolution of images of space is observed in 1990–2000-s when the collapse of the USSR brought about tendencies of regional self-determination. Against the background of all-Russian emblematics and symbolism literature of the Urals forms a new model of geographical space, whose dominant basis is not the flat limitlessness, but dark and inexhaustible subterranean depth (in the works of P. Bazhov, D. Mamin-Sibiryak, etc). In 1990-s and 2000-s the Ural geopoetical dominant addressing to the bowels of the earth was amplified with fundamentally distinctive accent – the prose of A. Ivanov (to the fullest extent and quality), O. Slavnikova, mass culture texts (on the example of S. Alekseev) form messianically and eschatologically tinged neo-mythology of the Urals. Regional geopoetics initiates geopolitical projections: the Urals is considered to be the successor to the Messianic idea in Russia.

Key words: geopoetics, geopolitics, the Urals, Velimir Khlebnikov, Pavel Bazhov, Alexey Ivanov.

References

- Abashev V. V.* D. N. Mamin-Sibiryak: U istokov geopoetiki Urala // Uralskiy istoricheskiy vestnik. 2009. No. 1(22). P. 51–59.
Abashev V. V. Perm kak tekst. Perm, 2000.
Abashev V. V. Ural kak predchuvstvie. Zametki o geopoetike Borisa Pasternaka // Voprosy literatury. 2008. No. 4. P. 125–144.
Abashev V. V. Ural v poiskakh litsa (Arkaim v uralskoy neomifologii 1990-kh godov) // Europa Orientalis: Studi e Ricerche sui Paesi e le Culture dell'est Europeo. 2003. Vol. 22. P. 13–23.
Abashev V. V., Abasheva M. P. Poeziya prostranstva v proze Alekseya Ivanova // Sibirskiy filologicheskiy zhurnal. 2010. No. 2. P. 81–90.

- Abasheva M. P.* Ural v istoriko-priklyuchcheskoy proze // Literatura Urala: istoriya i sovremennost. Natsionalnye obrazy mira v regionalnoy proektsii. Ekaterinburg, 2010. P. 230–237.
- Alekseev S.* Sokrovishcha Valkirii. Moscow; St. Petersburg, 1998.
- Baldin A., Evseev B.* Rossiya i russkiy yazyk: puteshestvie vo vremeni. Online konferentsiya RIA Novosti. 16.10.2009 [e-resource]. URL: <http://ria.ru/online/20091016/189172479.html>
- Bazhov P. P.* Sobranie sochineniy: v 3-kh tt. Moscow, 1976. Vol. 2.
- Berdyayev N.* Russkaya ideya // O Rossii i russkoy filosofskoy kulture. Moscow, 1990. P. 43–271.
- Bogoslovsky P. S.* O postanovke kulturno-istoricheskikh izucheniy Urala // Uralskoe kraevedenie. Sverdlovsk, 1927. Iss. 1. P. 23–24.
- Chaadaev P. Ya.* Sochineniya. Moscow, 1989.
- Dostoevsky F. M.* Pushkin (Ocherk) // Poln. sobr. soch.: v 30 tt. Leningrad, 1984. Vol. 26. P. 136–147.
- Gogol N.* Sobranie sochineniy: v 4-kh tt. Moscow, 1952. Vol. 4.
- Golovanov V.* Geopietika Kenneta Uaita // Oktyabr. 2002. No. 4. P. 157–159.
- Ivanov A. V.* Serdtse Parmy. Moscow, 2003.
- Kertman L. E.* Geografiya, istoriya i kultura Anglii. Moscow, 1979.
- Khlebnikov V.* Tvoreniya. Moscow, 1987.
- Litovskaya M. A.* Bazhov i simvolicheskoe prostranstvo Ekaterinburga // Regionalnye kulturnye landshafty: Istoriya i sovremennost. Tyumen, 2004. P. 31–38.
- Losev A. F.* Mifologiya grekov i rimlyan. Moscow, 1996.
- Makinder H. Dzh.* Geograficheskaya os istorii // Polis. 1995. No. 4 // Setevoy portal zhurnala «Polis» [e-resource]. URL: http://www.polisportal.ru/index.php?page_id=51&id=25
- Milyukova E. V.* «Okolo zheleza i ognya»: kartina mira v tekstakh samodeyatelnoy poezii yuzhnogo Urala // Geopano-rama russkoi kulture: Provintsiya i ee lokalnye teksty. Moscow, 2004. P. 625–644.
- Osorgin M. A.* Vremena: Avtobiograficheskoe povestvovanie. Romany. Moscow, 1989.
- Pasternak B. L.* Poln. sobr. soch.: v 11 tt. Moscow, 2003. Vol. 1.
- Shchukin V.* Rossiyskiy geniy prosveshcheniya. Moscow, 2007.
- Skorino L. O.* Pavel Petrovich Bazhov // Bazhov P. P. Sobr. soch.: v 3-h tt. Moscow, 1976. Vol. 1. P. 5–30.
- Slavnikova O.* 2017: Roman. Moscow, 2006.
- Turgenev I. S.* Poln. sobr. soch.: v 15 tt. Moscow; Leningrad, 1963. Vol. 4.
- Yankovskaya G. A.* Molotovskiy kokteyl dlya travmirovannogo soobshchestva // Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Istoriya. 2012. No. 2. P. 152–159.
- Zamyatin D.* Opredelenie geopietiki // Oktyabr. 2002. No. 4. P. 159–163.